

Размышления на тему

Как баба Нюра документы выправляла

— Так вот и умучилась я, де тонька, пока бумажки—то все собралась, но только оказалось, что это еще не конец.

Баба Нюра достала большую папку, где беспорядочно лежали документы (потому как бедная старушка уже и не знает, куда и какую бумажку нужно отдать), да поведала свою историю хождения по инстанциям.

Лет 15 назад умер у нее муж, Иван Иннокентьевич, оставив в наследство небольшой дом да мотоцикл. Долго баба Нюра горевала: ведь дед почти не болел, а в одну минутку случился инфаркт, и «скорой» не дождался. Дети, как могли, поддерживали мать, каждый предлагал переехать к нему, да только не могла она сейчас все бросить. Все в доме было очень дорого ее сердцу, ведь Ваня своими руками и дом строил, и мебель мастерил. А как же сразу всю скотину сбить? Корова то — ведерница, такая умница, никогда не приходилось ее с пастбы встречать, всегда домой шла. Нет, не поехала баба Нюра к детям, не смогла враз со всем своим прошлым расстаться.

Шло время. Боль утраты стала немного утихать. Но тяжело было бабе Нюре с хозяйством управляться, да и дети продолжали звать мать к себе. Надумала она все же к дочери перебраться, только дом нужно было продать, чего уж он будет брошенный стоять, ведь еще очень добротный, людям послужит.

Говорят, наследство оформляют у нотариуса. Собрала баба Нюра все документы, что у нее были, пошла на прием. С утра пошла. Только очередь в коридоре собралась уже солидная, до обеда не попала она к нотариусу. Не думала она, что это столько времени займет, не взяла с собой ни воды, ни кусочка хлеба, так голодом и сидела. А люди уже злиться стали: очередь медленно продвигается, всем кажется, что его дело важнее.

У бабы Нюры от волнений и переживаний, от голода и злости людской давление подскочило, голова закружилась. Хорошо, тут уже ее очередь подошла. Только рано обрадовалась старушка. Сразу—то после смерти мужа в наследство она не вступила, не подсказали люди, как это важно, а сама она не ведала. Теперь, оказалось, только суд может решить этот вопрос. Но и это еще не все. Выяснилось, что она и не жена вовсе своему Ивану Иннокентьевичу была: мало того, что в свидетельстве о браке отчество мужа записано с ошибками — Иннокентевич, так и ее отчество указано неверно: Леонидовна, а по паспорту и метрикам она Алексеевна. Отца все в деревне Ленкой звали, вот так и ей отчество сочинили. Посоветовал нотариус в загс обратиться за помощью.

На следующий день пошла баба Нюра в загс. Уже взяла с собой таблетки да бутерброд — вдруг опять в очереди сидеть придется. Но посетителей было совсем мало, всех приняли быстро. Правда, радости это не добавило. Пообещали в загсе мужу отчество исправить, а вот ее отчество нужно править через суд: кто знает, что Леонидовна и Алексеевна — это одна и та же женщина? Но для начала нужно госпошлину заплатить.

Пошла в сберкассу. Надеюсь быстро обернется, но куда там! Огромная очередь змеей по всему коридору выстроилась. Продвигалась медленно. Было очень душно, кружилась голова. Сзади люди все пытались подтолкнуть, надеясь, что так быстрее дойдут до терминала. Бу-

терброд был съеден (хорошо, что припасла его!). Только вот ноги уже так обессилили, что баба Нюра готова была на пол сесть. Наконец—то, вот он — приемщик платежей. Девушка вежливо объясняет, куда нужно нажимать. Однако, вот не задача: купюра у бабы Нюры оказалась немного помята, автомат такую не принимает. Поменять банкноту никто из очереди не согласился.

Со слезами на глазах пошла баба Нюра менять деньги. А потом что? Опять в конец очереди? Спасибо, есть добрые люди, не все еще озлобились. Паренек, стоявший уже около терминала, пропустил ее вперед и пристыдил тех, кто на чал было возмущаться. В загс в этот день баба Нюра не вернулась, сил уже не было.

Получив через несколько дней исправленное свидетельство о заключении брака, баба Нюра пошла искать адвоката, чтобы помог написать заявление. Это тоже оказалось очень сложным делом. После нескольких дней хождений адвоката старушка нашла, рассказала про свои несчастья. Ее вразумили: за один раз в суде все проблемы не решишь, нужно сначала исправить ее отчество, а только потом обращаться по вопросу наследства. Отдала документы адвокату, заплатила за его услуги и госпошлину в суд и, спокойная, направилась домой, в надежде на скорое разрешение проблемы.

Время шло. Повестку судебную все не приносили. Стала волноваться баба Нюра, вновь к адвокату стопы направила. Только вот найти его оказалось еще сложнее, чем раньше, а потом выяснилось, что у него не готово еще ничего, и документы в суд не сданы. От волнения плохо стало бабе Нюре, давление опять поднялось, сердце защемило, кое-как дошла она до дома, врача вызвала.

Опустим подробности еще длительных хождений к адвокату, за тем судебным заседанием, нового обращения в загс, уже с решением суда об исправлении отчества старушки, и очередного посещения сберкассы. Новенькое свидетельство о браке со всеми правильными буквами баба Нюра получила. Но это было только начало пути. Оформить документы на дом оказалось гораздо хлопотнее.

В очередной раз нашла баба Нюра адвоката, поведала ему о своих проблемах, показала все документы: и на дом, и на землю, и на акции мужа в какой-то ольской фирме. Только про мотоцикл уже давно забыла: сосед его купил месяца через два после смерти мужа. Адвокат обещал быстро помочь, а сам «занялся» ее делами несколько месяцев. Наконец то решение суда на руках! Судья говорит: «Что же вы, бабушка, сразу на все заявления не написали, можно было бы землю и акции сразу оформить, а так придется еще походить по конторам». Да откуда было бабе Нюре знать, что адвокат в исковом заявлении только дом и укажет, ведь она все документы ему отдала. Ладно, теперь—то уж чего...

Уверенная в скором разрешении дела, баба Нюра опять пошла к нотариусу. В этот раз ей больше повезло: очередь небольшая, быстро попала на прием. Нотариус внимательно изучил все документы, дал список того, что еще нужно предъявить, уверил, что землю и акции можно оформить, и даже сделал запрос в омскую фирму. Обрадовалась баба Нюра, что дело продвигается, тем более и список—то нужных документов небольшой. Вновь с энтузиазмом взялась она за сбор справок. Началось, вроде, все нормально: три разных справки она быстро взяла, отдала нотариусу, а он две вернул, говорит, что неправильно заполнены. Ну одну—то бесплатно выдали, а за другую 200 ру-

блей заплачено, да сколько времени вновь в сберкассе выстояно. По второму кругу пошла баба Нюра.

И почти везде ей говорили: — Бабушка, вы же понимаете, что такой закон, по другому просто нельзя.

— Понимаю, детонька, понимаю, — отвечала баба Нюра, уходя со слезами на глазах.

А потом, защищая служащую из очередной посещенной ею конторы, говорила:

— Конечно, коль такая инструкция, что эта девонька может подделывать?

Действительно, что же подделаешь, если не только за справку, но и просто за предоставление информации нужно деньги платить. Все ничего, но долгое стояние в очереди в сберкассе здоровье любого человека подкосит. А потом еще оказывается, что ты не так понял и не ту сумму заплатил, или не ту фамилию плательщика указал. Как у бабы Нюры случай был: дочь решила помочь матери и пошла сама госпошлину платить, хотела фамилию матери указать, а ей говорят: «Вы платите, свою и пишете». Такую квитанцию в конторе, конечно, не приняли, предложили деньги через банк вернуть. После описания всей процедуры возврата махнула на это рукой дочь бабы Нюры, пошла опять в банк и заплатила еще раз нужную сумму, уже на фамилию матери.

И опять же в каждой организации говорили:

— Бабушка, мы же для вас стараемся, чтобы все документы правильно сделать. Вообще мы ради людей и работаем.

— Спасибо, спасибо, детонька, что вы для нас работаете, — улыбаясь и кланяясь, говорила баба Нюра. — Куда ж мы без вас! Без вашей бумажки дальше не пройдем!

То ли тон бабы Нюры не нравился чиновникам, то ли вид ее, но только в спину много «доброго» было сказано и о том, что ходят здесь не вовремя, и от работы отрывают, и не понимают важность сей канцелярии... Не хотелось бабе Нюре от ношения выяснять, иначе никакого здоровья не хватало.

Хождения пожилой женщины еще не закончились, а от их начала уже два года прошло. Все, что пока сделано, так это деньги по акциям смогла она получить, спасибо доброму человеку, помог. Одному рада баба Нюра: что в Куйту не живет, иначе никаких денег и сил не хватало, пока оформишь все. Ведь иногда говорили: «Приходите за справкой завтра», а она оказывалась не готовой и после третьего посещения.

Конечно, сегодня во всех государственных организациях работают грамотные специалисты, иначе просто и быть не может, ведь на значение на многие должности осуществляется только по конкурсному отбору. Регулярно проводится аттестация служащих с целью выявления у них необходимых для работы знаний. Но только никто, ни где и никогда не проверяет их на честность... Такого требования не прописано ни в одном законе. Руководство говорит о необходимости быть вежливыми и корректными, да и что, в конечном счете, станется с клиентами, с ними как не разговаривай, все равно они сюда же придут, документы—то всем нужны!

Очень часто по телевидению государственные мужи говорят о необходимости уменьшения бюрократии, да только за Уральские горы улучшения перевалить никак не могут. Или так по всей стране люди мучаются? Неужели не возможно что—то изменить?.. Что бы баба Нюра и ей подобные могли доживать свой век без этих обременительных и не ими придуманных хлопот.

Ирина Николаева

Житейские истории

Мамины руки

В одном из сел жили две семьи, с виду совсем обыкновенные. Правда, жены были родными сестрами: то ли двойняшки, то ли близнецы. А вот похожи были они как две капли воды. Мужья — из местных: порядочные, непьющие, работящие. Все у них было хорошо: и дети — на загляденье, и дома — полная чаша. Вот уже по пятеро ребятишек звонкими голосами наполняли дома. Да вот только у одной сестры, как с конвейера, появлялись девочки, а у другой — мальчики.

Сестры хвалились друг перед другом, гордясь красотой своих детей. Мужьям же, которые были счастливы, любили детей и семьи, доставали от насмешников на работе. Их называли: одного — мужским мастером, другого — дамским. Порой наперебой давали советы, одному: «Дать под подушку клади платок и фартук», а второму: «Топор и верхонки надо положить».

Сестры хвалились друг перед другом, гордясь красотой своих детей. Мужьям же, которые были счастливы, любили детей и семьи, доставали от насмешников на работе. Их называли: одного — мужским мастером, другого — дамским. Порой наперебой давали советы, одному: «Дать под подушку клади платок и фартук», а второму: «Топор и верхонки надо положить».

Обменявшись халатами, койками и детьми, они получили нужную запись регистрации рождения. Мужья, приехавшие на следующий день, были на седьмом небе от счастья. А в селе даже зубоскалы поздравляли героев на полном серьезе. Только у сестер в душах злегла тревога. Чтобы как то сгладить все, что произошло, уговорили мужей быть крестными парами друг другу. На крестинах гуляло почти все село, казалось, веселью не будет конца.

Отшумели крестины, и жизнь покатилась дальше по накатанному руслу. Только сестры стали отдаляться друг от друга, стараясь не встречаться с детьми. Но тревога нарастала все больше. Вот уже и второй год пролетел. Сестры порой с испугом гляделись в личики детей, а черты настоящих родителей проступали все ярче.

Дело было как то летом, где то к трем годам с того времени. Наказав ребятам смотреть за сестренкой, мать пошла по делам на другой край села. Накануне прошел

дождь, и она, почти поравнявшись с домом сестры, стала обходить лужу около ямы, вырытой электриками для установки столба. Вдруг она услышала детский плач, доносившийся из ямы. Стремглав бросившись туда, она ойкнула от увиденного: на дне ямы в воде выше колена стоял мокрый, измазанный глиной мальчик и плакал. Вероятно, пробегая у края и поскользнувшись, он упал в яму, а вылезти так и не смог.

В одно мгновение женщина прыгнула в яму, подняла малыша и поставила его на край. С трудом выбравшись сама, она обхватила руками мальчонку и прижала к себе, легонько фартуком вытерла ему слезы и сопли. Малыш уткнулся носиком в ее грудь, а она гладила его по головке и спине. Странные чувства охватили их обоих. И кто знает, может малыш подсознательно душой почувствовал зов крови матери, выносившей его под сердцем. Или сам бог вложил в уста дитя слова правды. «Тетья, тетя, залепетал малыш, какие у тебя тепленькие и мягонькие ручки, а у моей мамки — холодные и колючие». Она, отпрянув, глянула в личико мальчика. На нее глядели глаза за мужа, полные слез.

Поняв, кто перед ней, не помня себя, забыв, куда и за чем шла, прижав малыша к себе, стремглав бросилась она домой. Происходящее заметили девочки, уже давно искавшие потерявшегося брата. Перепуганные поведением тети, они отыскали мать в огороде и, перебивая друг друга, рассказали о случившемся. Мать сразу поняла, что пришло время развязки, за любые грехи всегда приходит расплата. Еще не зная, что будет дальше, она с дочерьми, как клуша с цыплятами, кинулась к дому сестры.

А что потом происходило в доме, сразу и не разберешься. Сестры то плача, то смеясь, подхватывали детей на руки, прижимали к себе. Ребяты, что постарше, долго пытались успокоить матерей. К вечеру явились с работы мужья, и снова начались разборки.

В конце концов все как то разрешилось. Улеглись в душах боль и разочарование. Зато двора обеих семей так сдружились, что всей гурьбой ночевали на сеновале то одной, то другой семьи. По утрам, усаживаясь за стол, как опять у пня, уплетали разные вкусности, приготовленные одной из матерей. Назавтра все по вторядлось в доме другой семьи. Младшенькие, из за которых разгорелся весь сыр бор, сперва настороженно, а потом, по привыкнув, так и продолжали звать папой и мамой обе пары родителей. В последствии через суд выправили документы. Вот так и закончилась эта поучительная история.

Александр Маслобоев, с. Каразей